

Ремизов Максим Валерьевич
канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XV–XVII ВЕКОВ

Аннотация: в статье исследуются нормы об ответственности за вымогательство в отечественном уголовном праве XV–XVII веков. Автор анализирует основания криминализации и признаки вымогательства в нормативных правовых актах различных периодов, линии разграничения данного деяния от разбоя, коррупционных преступлений и т. д.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, криминализация, вымогательство, историко-правовой анализ.

Историческая эволюция вымогательства как уголовно-правового феномена берет начало в дореволюционном правовом поле, где формировались первичные характеристики данного противоправного деяния. Исследование исторического контекста позволяет проследить трансформацию юридических норм, устанавливающих ответственность за вымогательство. Следует подчеркнуть, что российское уголовное законодательство до XIX столетия не содержало детальной регламентации ответственности за вымогательство в действовавших тогда нормативных документах.

Криминализация вымогательства произошла лишь к завершению XIX века, хотя истоки этого процесса прослеживаются с момента создания первого кодифицированного источника права – Русской правды. Первоначальная концептуализация вымогательства обнаруживается в римском правовом наследии, которое впоследствии трансформировалось в отечественную юридическую традицию регулирования данного преступления.

Несмотря на отсутствие прямых упоминаний о вымогательстве в законодательных актах X–XVIII столетий, элементы этого деяния нашли отражение в статье 9 Русской Правды, где впервые психологическое насилие стало объектом правового преследования, а угрозы квалифицировались как общественно опасные действия [1, с. 25]. Русская правда фиксирует преступления против собственности с применением насилия как особо тяжкие деяния, подлежащие наказанию. В данном контексте подразумевались насильственные посягательства на собственность, аналогичные современному разбою.

В целом, вымогательство как самостоятельное преступное деяние еще не получило специфической правовой регламентации. В 1397 году была принята Псковская Судная грамота, устанавливавшая меры государственного противодействия коррупции. Статья 48 данного акта предусматривала ответственность за взяточничество, квалифицируя подобные деяния как грабеж. Согласно позиции, принятой в доктрине, отрицание существования вымогательства в историческом контексте представляется необоснованным: система кормлений, обеспечивавшая содержание чиновников, создавала благоприятную почву для злоупотреблений, когда должностные лица, пользуясь нуждами просителей, требовали завышенное вознаграждение [2, с. 376].

Эскалация коррупционных проявлений обусловила необходимость ужесточения государственного контроля над данными деструктивными явлениями. Примечательно, что вымогательство в Древнерусском государстве получило наибольшее распространение именно в административно-управленческой сфере, поскольку, как утверждают теоретики права и государства, коррупция выступила катализатором формирования вымогательства как противоправного феномена. Возникла потребность в разработке нового нормативного документа, предусматривающего уголовную ответственность за коррупционные деяния и смежные с вымогательством преступления. Учитывая широкую распространенность подобных правонарушений в сфере властно-управленческих отношений, законодатель сконцентрировал внимание на детальной правовой регламентации именно этой категории преступлений в области государственного управления.

Фундаментом для создания Судебника 1497 г. послужили Русская Правда и Псковская Судная Грамота. Однако необходимо подчеркнуть, что вымогательство как автономное преступление не фигурировало в этих источниках [3, с. 71]. В Судебнике 1497 года данное деяние не получило статуса самостоятельного состава, хотя упоминания о вымогательстве присутствовали; оно имело сходство с коррупционными преступлениями, поскольку родственные противоправные действия совершались преимущественно в государственной управлеченческой сфере. Институциональное оформление вымогательства как преступления первоначально произошло в Судебнике 1497 г., где законодатель установил уголовную ответственность за совершение вымогательства в контексте государственных отношений, связанных с исполнением служебных обязанностей перед государством.

Вымогательство, отождествляемое с доносительством, впоследствии получило развитие в следующем правовом памятнике – Судебнике 1550 г. В соответствии с этим документом, вымогательство квалифицировалось как ябедничество, которое заключалось в предъявлении необоснованно завышенных требований. Концепция ябедничества нашла отражение и в Судебнике 1589 г [4, с. 25; 5, с. 160].

Необходимо подчеркнуть, что ни Судебник 1497 года, ни Судебник 1550 года не выделяли вымогательство в качестве самостоятельного преступления; оба анализируемых правовых акта лишь предпринимали попытки концептуализации конструкции вымогательства. Практическая ценность судебников проявляется в существенном развитии исследуемого преступления, что способствовало последующей Практическая ценность судебников проявляется в существенном развитии исследуемого преступления, что способствовало последующей кристаллизации вымогательства как автономного состава в отечественном уголовном законодательстве [2, с. 56].

Также вымогательство получило правовую регламентацию в Соборном Уложении 1649 г. Аналогично предшествующим правовым памятникам, Соборное уложение не формулировало дефиницию вымогательства, более того,

законодатель не квалифицировал вымогательство как самостоятельное преступление. В Соборном уложении статья о вымогательстве размещалась в главе 10 под названием «О суде». Данный раздел устанавливал уголовную ответственность за преступления, связанные с судопроизводством. Можно утверждать, что такая локализация свидетельствует о преимущественном распространении вымогательства в сфере судебных процессов и отправления правосудия, нежели в иных областях. Статьи 186–188 характеризовали вымогательство как в простой, так и в квалифицированной форме, если оно сопрягалось с предъявлением как ложного, так и обычного обвинения, «поклепного иска» [2, с. 67].

Соборное уложение также предусматривало уголовную ответственность за совершение вымогательства, связанного с принуждением к заключению сделки. Данные составы регламентировались положениями ст. 251–253 Соборного Уложения [3, с. 72].

Необходимо отметить, что наказание за совершение вымогательства дифференцировалось: подьячие, уличенные в таком деянии, подвергались более суровому наказанию, поскольку привлекались как государственные служащие. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что ранее анализируемые статьи в целом характеризовали вымогательство как принуждение к даче заведомо ложных обязательств. Новшеством являлось наличие угрозы как основного метода вымогательского воздействия на личность. Таким образом, Уложение в основном воспроизвело нормы ранее действовавших правовых памятников, модифицировались лишь квалифицирующие признаки состава вымогательства и его позиционирование в структуре правового памятника.

Список литературы

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб., 2002. – 775 с. – EDN UBTAMN
2. Мелентьев А.В. Вымогательство: уголовно-правовая характеристика и современные тенденции / А.В. Мелентьев // Образование и право. – 2020. – №4. – С. 375–378. – DOI 10.24411/2076-1503-2020-10458. – EDN OPEEFG

3. Никитин Ю.А. История развития ответственности за вымогательство в отечественном уголовном праве и законодательстве / Ю.А. Никитин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2016. – №1. – С. 70–72. – EDN VRXBPH

4. Герасимова Е.А. История уголовной ответственности за вымогательство в законодательстве России / Е.А. Герасимова // Студенческая наука XXI века. – 2016. – №2–2. – С. 22–25. – EDN VVHRSF

5. Судебники XV-XVI веков / под общ. ред. Б.Д. Грекова. – М., 1952. – 250 с.